

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.24>

Рябцев Сергей Викторович, Кириллов Павел Евгеньевич

Временной компонент социальной мифа как социообразующая структура

Цель исследования - выявить особенности трансформации социальной структуры в условиях изменений временного компонента социальной мифологии. В статье анализируется функционирование временной организации социального мифа в условиях информационной избыточности. Отмечается трансформация социальных практик посредством отсечения социальных групп от значимых смыслов и поведенческих стратегий в условиях темпорально обусловленных затруднений в развертывании значимых мифсюжетов. Определяется роль рационального управления общественным сознанием посредством локализации во времени социальных мифов. Научная новизна заключается в раскрытии влияния фактора мифологического времени на социальную структуру и динамику ее изменений. В результате доказываемся высокая значимость темпоральной организованности социального мифа в процессе групповой и межпоколенной дифференциации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 135-139. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.24>

Дата поступления рукописи: 16.07.2020

Цель исследования – выявить особенности трансформации социальной структуры в условиях изменений временного компонента социальной мифологии. В статье анализируется функционирование временной организации социального мифа в условиях информационной избыточности. Отмечается трансформация социальных практик посредством отсекаания социальных групп от значимых смыслов и поведенческих стратегий в условиях темпорально обусловленных затруднений в развертывании значимых мифосюжетов. Определяется роль рационального управления общественным сознанием посредством локализации во времени социальных мифов. **Научная новизна** заключается в раскрытии влияния фактора мифологического времени на социальную структуру и динамику ее изменений. **В результате** доказываемся высокая значимость темпоральной организованности социального мифа в процессе групповой и межпоколенной дифференциации.

Ключевые слова и фразы: социальный миф; темпоральность; время; мифосюжет; групповая включенность; картина реальности.

Рябцев Сергей Викторович, к. филос. н., доц.
Кириллов Павел Евгеньевич, к. филос. н., доц.
Государственный университет «Дубна»
matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

Временной компонент социальной мифа как социообразующая структура

Актуальность темы статьи обусловлена рядом обстоятельств: во-первых, необходимостью уточнения механизмов влияния социальной мифологии на значимые общественные процессы и структуры; во-вторых, необходимостью выявления темпоральных характеристик современной мифологии и ее динамики; в-третьих, необходимостью анализа влияния временной компоненты мифологического сознания на формирование социальной структуры и системы неравенства.

На наш взгляд, необходимо решить следующие **задачи**:

- проанализировать универсальные характеристики мифомышления в научной традиции;
- выявить логику развертывания социального мифа с учетом фактора его темпоральности в современном обществе;
- уточнить влияние медийной типизации основных мифосюжетов на систему рационального управления общественными процессами;
- отметить ряд черт современной нам социальной ситуации, которые делают затруднительными контингентные операции социального включения и исключения.

Теоретической базой исследования выступают труды отечественных и зарубежных философов, антропологов и социальных мыслителей, таких как Р. Барт, Э. Гуссерль, К. Леви-Строс, Е. М. Мелетинский, Б. Малиновский, М. Элиаде, А. Ф. Лосев, М. Кастельс, Ю. М. Лотман. Большое значение для решения задач нашего исследования имеют структуралистская и феноменологическая методологии, позволяющие связать универсальный, архетипически обусловленный характер социального мифа с его непрерывным воспроизводством в интерсубъективном режиме.

Основные **методы исследования**: социально-философский и компаративистский анализ.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения раскрытого потенциала временных трансформаций мифа в практике социального управления.

В рамках статьи предполагается анализ структурообразующего потенциала социального мифа с точки зрения его временных трансформаций, которые, воплощаясь в системе общественных отношений, оказывают значительное влияние на идентичность социальных субъектов, динамику межгрупповых взаимодействий и вектор бытия социума вообще.

В социально-философском дискурсе существует значительный корпус исследований социального [2; 3; 6; 8; 10; 12; 13; 17; 18; 24-27], в которых отмечают универсальность для социальной системы мифологии, как архаичной, так и современной, воспроизводимость мифологического способа организации жизни, смыслообразующий компонент, обеспечение непрерывности коллективной, групповой памяти.

В научной традиции вполне раскрыты и такие особенности мифомышления, как:

1) концептуальная холистичность, в которой самовоспроизводящаяся логика развертывания позволяет встраивать в социальные практики «единичное» и «случайное», стирать границы между частями и целым, как показывал Е. М. Мелетинский [18; 19];

2) амбивалентная иерархичность мифосюжетов, дуальная дифференциация, приложимая к бесконечному множеству конкретных практик, фактов, ожиданий и процессов. Подобные возможности социальной мифологии, если говорить о проблематике статьи, широко применяются в управлении и информационном воздействии на управляющие инстанции, когда вводятся образы-медиаторы и дуалистические модели в идеологии и системе социального контроля, социализации либо даже депривации несистемных элементов социальной системы. Как отмечает исследователь проблем коммуникации и дискурсивного распределения власти постсовременного

общества Тен А. ван Дейк, доминирующие в системе группы стремятся к тому, чтобы транслируемая социальная парадигма, ценности, поведенческие паттерны, в широком смысле идеологии воспринимались управляемыми как общая и естественная система. В этом случае «идеологическое воспроизводство имеет консенсусную организационную природу» [9, с. 54]. Особое место в медийной, управленческой организации группового и социального консенсуса имеет фактор мифологической темпоральности и интервальности, вообще времени;

3) функциональная определенность социального мифа, его упорядоченность. Как способ выражения, артикуляции реальности посредством знаковых комплексов, он обладает эмпирической чувственной и сверхчувственной реальностью для актора, который обретает идентичность и место в социальной структуре в силу погруженности в символические ряды, позволяющие, говоря словами Э. Кассирера, обретать функциональную тождественность частей целому [11, с. 43]. Мифологическая приобщенность участников той или иной группы, общности к конкретному мифосюжету, обладающему символической системностью, позволяет управляющей подсистеме проектировать модели социального устройства. Включенность в структуру того или иного мифологического повествования делает возможным ориентацию социального объекта и оформление его деятельности в качестве целенаправленной и даже осмысленной.

Здесь можно отметить и то обстоятельство, что переживание времени, стремление упорядочить его поток и поместить в него себя и обстоятельства своей жизни в принципе имманентны индивиду и эволюционно обусловлены в социальных практиках. Участник социальных отношений взаимодействует со временем как с фактом, неизбежностью, с которой должен синхронизировать эмоциональные, бессознательные и рациональные намерения. Проект жизни индивида или социальной группы должен совпадать с планами времени, воспринимаемого непрерывным и конечным и артикулированным в конкретном мифе.

Таким образом, мифологическая последовательность времени, темпоральный механизм, заложенный в мифосюжете, носят для актора принудительный характер и в то же время позволяют приобщаться к широкому кругу событий, фактов, тому, что Я. Э. Голосовкер называл этапами самовоплощения мифа. И в таком случае «у такой жизни есть тема. Эта тема сперва намечается иногда только одним словом, выражением, фразой» [6, с. 443]. Так индивид или группа, включенные в мифосюжет, получают «повестку» каждого дня, года, десятилетия. Ритуальным и осмысленным, «привязанным» становится любое действие в мифологической системе координат, и «теперь мифотема становится целью и смыслом. Она получает лицо, она материально живет как форма творения» [Там же]. Как отмечалось ранее, «точная» настройка, «распознавание» реальности участниками социальных отношений осуществляется благодаря мифологии, конкретным мифосюжетам, позволяющим перманентно перестраивать, дополнять и перекомбинировать картину времени в интересах «включенности» социального субъекта [20-22];

4) другая широко отмечаемая черта мышления, фиксируемая в социальном мифе – устойчивость в форме воспроизводимости и повторяемости [4; 9; 11; 14; 19; 23]. В качестве гармонично организованной информационной системы миф задает целеполагание в систему социальных отношений, транслируя, аккумулируя посредством упорядоченных кодов повторяемость и, таким образом, легитимацию социальной внутренней непротиворечивой картины. Включенность актора в отношения с большей, неравновесной и потому когнитивно недоступной системой общества в таком случае возможна при формировании мифологически обустроенной картины исторического процесса, где множественность потенциала развертывания мифосюжета позволяет обеспечивать эквивиальность разрешения в социальных практиках.

Принудительная темпоральная структура мифов задает историчность любым процессам и даже повседневной жизни индивида, где каждый поведенческий акт «размещен в более широких исторических рамках, и это “размещение” несомненно формирует мою ситуацию» [4, с. 22]. История социального мира и включенности в него благодаря индивидуальной и групповой памяти, инкорпорированной в те или иные мифосюжеты, придает черты объективности общественным отношениям, где «индивидуальная биография воспринимается как эпизод в объективной истории общества. Институты в качестве исторических и объективных фактичностей предстают перед индивидом как неоспоримые факты» [Там же].

При перечисленных особенностях функционирования социальной мифологии погруженный в мифологический сюжет актер без затруднений может актуализировать прошлое, и оно может повторяться необходимое управляющей инстанции количество раз, это прошлое может возникать в настоящем и предполагаться в будущем. Таким образом, практически любая сумма фактов, процессов и качеств тех или иных объектов может совершать комфортный перенос и быть открытой для принудительных, навязанных интерпретаций.

Фиксируя универсальный характер социального мифа и его структурообразующую по отношению к социуму роль, отметим то, как логика его развертывания посредством «обустройства» времени определяет коллективную идентичность и поддерживает относительно стабильный уровень социальной дифференциации. Отметим в таком случае ряд черт современной нам социальной ситуации, которые делают фактически недоступными для участников взаимодействия либо крайне затруднительными контингентные операции социального включения (инклюзии) и исключения (эксклюзии).

Во-первых, социальная, групповая включенность/исключенность, по сравнению с традиционным типом обществ, претерпела значительные изменения. Бедность и неравенство поменяли свой характер и связаны в том числе с фактором времени социального мифа. Прежде социально депривированные элементы составляли большую часть обществ и все-таки не исключались из отношений [1]. Иерархичность в доклассовых обществах была комфортно воспроизводимой и предоставляла когнитивно доступную идентичность участникам отношений. В пример можно было бы привести коммунальный быт соседских и родовых общин, оставление

сирот в сообществе, замещающее родительство, «нищелюбивость» как формы социального притяжения [7]. Современная нам ситуация демонстрирует все же ограниченный доступ к механизмам интеграции и участия, когда в стратификационной системе параллельно могут функционировать и элементы сословной иерархии, и постклассовой неопределенности. Обслуживаемое различными комплексами мифологий подобное переплетение уже не предоставляет прежних компетенций актору для формирования комфортной идентичности, мобильности и включенности.

Во-вторых, отметим драматичный для адекватности мифологического воспроизводства фактор информативности, избыточности информационной среды с архивированием событийных рядов на малых частотах, в коротких интервалах с привнесением деструктивных субъективных факторов. Избыточность буквально прорывается в пространство актуальных мифосюжетов, вызывая хаотическое переплетение эпизодов исторических событий, идеологий, научных, эстетических и этических установок. Зашумление эпизодами и элементами, которые индивидуальное сознание и групповое восприятие не могут синхронизировать с мифосюжетом, приводит к непроективности, затруднениям в развертывании, декодировании и проживании мифологического времени и обустроенного им пространства. Надо полагать, что примеры массовой динамики, деструктивных и непроектируемых акций часто могут быть связаны с неумелыми попытками поддерживать путем медийного воздействия социальное равновесие. В условиях информативности настойчивые попытки апелляции к значимому для управляющей инстанции мифосюжету без учета фактора темпоральности вместо единства и солидарности зачастую приводят к разрушению институциональных отношений и группового единства. И хотя Б. Малиновский фиксировал архетипическое и эмоциональное переживание мифа, говоря: «...символы мифологии не являются искусственно создаваемыми; их невозможно направлять, изобретать или подавлять, они представляют собой спонтанные проявления души, и каждое такое проявление несет в себе в неповрежденном виде зачаток власти своего источника» [17, с. 11], отметим факт рационального производства, медийной типизации частных и общесоциальных мифосюжетов.

В-третьих, современное нам мифомышление, сохраняя базисные черты, такие как архетипичность, привязанность к ритуалам, универсальным принципам кодирования информации и перекомбинации амбивалентно организованных повествований, становится рационально управляемым феноменом. Тяготение к «сверхупорядоченности», с одной стороны, и информативная емкость – с другой, предоставляют широкие возможности для целенаправленного мифотворчества, призванного поддерживать систему господства и неравенства. Так, социальное доминирование тех или иных групп может выражаться в прямых манипуляциях с мифологическим временем посредством механизмов забвения, размывания и поглощения. И если привычный участникам социальных отношений линейно-последовательный порядок восприятия времени, поддерживающий непрерывность, наследуемость временных позиций, включается в контекст изменчивости и неопределенности, то возрастает как роль собственно мифологии в жизни общества, так и необходимость управленческих воздействий. Ведь прирост изменчивости и модификации с перебрасыванием значимых для мифомышления объектов требует постоянного воспроизводства упорядоченности. Как отмечал Э. Гуссерль, «гомогенность абсолютного времени неизбежно конституируется в потоке модификаций в прошлое и постоянном бьющем источнике определенного Теперь – в созидательной темпоральной точке, точке-источнике темпоральных позиций вообще» [8, с. 70]. Иначе говоря, то, что в архаическом мифе было изоморфным, когнитивно доступным и автоматически «схватываемым» пользователем, приобрело черты неопределенности места, времени и интерпретации. Классическая картина мифологии если и не деградировала, то нуждается в управлении темпоральными интервалами для согласования сигналов мифосообщений.

В противном случае социальные группы погружаются в собственные мифологии без возможности синхронизации их с системой общества. Возникает проблема несоответствия времени существования индивидов и групп, общностей, когда раздробление мифов ведет к деградации и распаду общественных отношений.

В-четвертых, отметим мифоконтентный фактор институциональной и межпоколенной легитимации общественной жизни, то есть мифологически и ритуально оформленные способы ее оправдания, реализации и объяснения. Социальная реальность, воплощенная в мифах, обретает наглядность, осязаемость и значимость в режиме межпоколенной трансляции. То есть картина социальной жизни еще и исторична и наследуется через мифоконтентные традиции новыми поколениями. Изначальное содержание институциональных связей и групповой включенности не функционирует в режиме индивидуальной памяти, которая не в состоянии обеспечить последовательность и истолкование закономерности существования наличного социального порядка. При том что растущая институциональная сложность создает затруднения в легитимации социального порядка и делает его в силу мифологической неопределенности когнитивно недоступным, нормативно невоспроизводимым. Иначе говоря, отсутствие мифологической запрограммированности институциональных и групповых практик не позволяет перезапускать и обновлять в межпоколенном режиме систему общества. Как отмечается в работе классиков социальной мысли, «знание – сердцевина фундаментальной диалектики общества. Оно программирует каналы, по которым в процессе экстернализации создается объективный мир» [4, с. 46]. Таким образом, при затруднении в трансляции мифологически определенного знания смысла институции или группы происходит несоответствие времен. Опять же, подобные межпоколенные разрывы активно используются для генерации и разрешения конфликтов на вполне рациональных основаниях. В таком случае социальный миф вместо того, чтобы стать ориентиром во времени и инструкцией по организации социального пространства, становится фактором деструктивности, не позволяя участникам отношений легитимировать собственные убеждения и формировать гармоничное мировоззрение. На смену единому – сакральному с когнитивно доступным алгоритмом воспроизведения приходит рассогласование социального участия, где каждое поколение вынуждено

формировать собственное время, создавать собственную реальность с иными мифосюжетами, ибо «всякая структура требует различности и объединенности различенного» [15, с. 55].

В-пятых, фактор динамики развертывания мифологического времени, являющегося своеобразным протоколом воспроизводства социального порядка. Сжатие, уплотнение мифологического времени ставит социальные группировки в неравное положение по факту текущей сопричастности конкретному мифосюжету. Медийно обеспечиваемая интенсивность навязывания мифосюжетов выводит группировки в разнонаправленные временные зоны, то есть, по сути, в различные реальности. И тогда мифологическое время, сопричастность к нему становятся, следуя анализу информационной эпохи М. Кастельса, источником стоимости, маркером социальной позиции, статуса и места в системе управления [12]. Претензия на возможность интерпретировать вечное и вечность, демонстрация на причастность к сакральному знанию абсолютного времени, не зависящего от внешнего «теперь», «сейчас», и вносит различение в порядок дифференциации. В этом случае миф как универсальная форма объяснения действительности позволяет воспроизводить систему неравенства, в которой доминирующее положение занимают группы, могущие преодолевать настоящее время и формировать образы будущего.

Если управляемые инстанции в силу потребности в комфортной архаической мифологии растущей неопределенности навязываемых сюжетов попадают в ситуацию «непостижимого» и застревают в вечном «теперь», «здесь», в режиме линейного детерминизма восприятия, то социальное доминирование обеспечивается индетерминистски организованным воздействием. В таком случае неопределенность темпоральной включенности обеспечивает отсечение и отчуждение пользователя мифологии от автономного принятия значимых решений. Например, в типичных мифах существования, смерти, творения, истории становления чего-либо детерминированное линейностью мышления предполагает:

- 1) предопределенность прошлого и недоступность, недетерминированность будущего;
- 2) невозможность изменять прошлое и будущее;
- 3) прошлое может возвращаться, будущее когнитивно недоступно, непостижимо, непознаваемо, поэтому автономное планирование социальным субъектом не практикуется;
- 4) основная форма социального бытия управляемых уровней – созерцание, наблюдение, чаще всего не включенное за сакральными и непостижимыми явлениями, не представляющими возможностей для воздействия.

Как отмечал Ю. М. Лотман, говоря о разрушении циклически временного механизма мифологического текста или как минимум резком сужении сферы функционирования, все это «привело к массовому перевороту мифологических текстов на язык дискретно-линейных систем» и далее «к созданию тех новеллистических псевдомифов, которые приходят нам на память, в первую очередь, когда упоминается мифология» [16, с. 210]. В то же время управляющие инстанции не связаны с необходимостью следовать определенным мифологиям и потому могут оказывать дисциплинарное и контролирующее воздействие на группировки, «запертые» в вечно повторяющемся прошлом. Распределяется и контролируется собственно время, также доступ к обращению с ним, посредством мифосюжетов. Пребывающий в ограниченных, коротких сценариях жизни исполнитель в таком случае лишен времени и, стало быть, свободы. Как отмечает Э. Гидденс, «дисциплина поддерживается исключительно посредством манипуляций со временем и пространством. Обычно она предполагает определенную обособленность, поле деятельности, отличающееся полностью закрытым, замкнутым в себе характером» [5, с. 218].

В таком случае либо косвенно, либо непосредственно навязываются мифосюжеты, предназначенные для массового пользователя, где мифологическое конструирование смыслов происходит в последовательности: подбор объекта, вызывающего эмоциональный отклик и бессознательно позволяющего извлекать смысл, далее помещение интерпретируемой инстанции в усеченное время, локальное «теперь» и, наконец, присвоение нового качества объекту.

Таким образом, мы можем сделать важные для цели исследования **выводы**.

Во-первых, социальный миф остается востребованным, влиятельным и высоко организованным структурообразующим элементом общественной жизни в современности.

Во-вторых, эволюция современной нам мифологии направлена на «сжатие» времени развертывания мифосюжета, формирование локальных значений при общем приросте информативности, в которой преобладает количественный фактор, а «качество» и «связность» времени деградируют.

В-третьих, управление общественным сознанием посредством локализации мифологии объективно приводит к дифференциации социальной межпоколенной памяти, разделению групп, общностей и индивидов по признаку отношения к феномену времени, когда маркером институциональной или групповой включенности становится следование своему виду мифологии или фрагменту мифосюжета.

Список источников

1. Абрахамсон П. Социальная эксклюзия и бедность // Общественные науки и современность. 2001. № 2. С. 158-166.
2. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1989. 616 с.
3. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во Сабашниковых, 2000. 320 с.
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
5. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуриации. Изд-е 2-е. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
6. Голосовкер Я. Э. Избранное. Логика мифа. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 496 с.
7. Григорьева И. А. Социализация в процессах исключения/включения // Отечественные записки. 2006. № 3. С. 287-298.
8. Гуссерль Э. Собрание сочинений: в 3-х т. М.: Гнозис, 1994. Т. 1. Феноменология внутреннего сознания времени. 162 с.

9. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2013. 344 с.
10. Иорданский В. Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. 343 с.
11. Кассирер Э. Философия символических форм: в 3-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2002. Т. 1. Язык. 272 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2000. 609 с.
13. Леви-Строс К. Мифологии. Сырое и приготовленное. М.: Флюид, 2006. 399 с.
14. Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 512 с.
15. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
16. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
17. Малиновский Б. Магия, наука и религия. М.: Рефл-бук, 1998. 304 с.
18. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература РАН, 2000. 407 с.
19. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М.: Восточная литература РАН, 2004. 462 с.
20. Режабек Е. Я. Гетерогенность сознания как «несущая конструкция» рациональности нового типа // Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. М.: Прогресс-традиция, 2004. С. 368-378.
21. Рябцев С. В. Место и роль мифологии в социально-политической жизни России XX столетия (социально-философский анализ): дисс. ... к. филос. н. М., 2004. 177 с.
22. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Мифологическое время и пространство как факторы институционального формообразования и воспроизводства // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 10. С. 189-193.
23. Рябцев С. В., Кириллов П. Е. Темпоральная организация социального мифа // Манускрипт. 2019. Т. 12. № 8. С. 113-117.
24. Тода М., Шуфорд Э. Х. Логика систем: введение в формальную теорию структуры // Исследования по общей теории систем: сб. переводов с польского и английского. М., 1969. С. 320-383.
25. Топоров В. Н. Пространство // Мифы народов мира: в 2-х т. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. К (Корибанты) – Я. С. 340-343.
26. Элиаде М. Аспекты мифа. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
27. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.

Temporal Component of Social Myth as Socio-Formative Structure

Ryabtsev Sergei Viktorovich, *PhD*

Kirillov Pavel Evgen'evich, *PhD*

Dubna State University

matilda-9972@mail.ru; kirillov_pe@mail.ru

The paper aims to identify specificity of social structure transformation conditioned by changes in the temporal component of social mythology. The article analyzes temporal arrangement of a social myth in the situation of information redundancy, considers social practices transformation by separation of social groups from valuable meanings and behavioural strategies under temporally conditioned difficulties in developing meaningful mythological stories. The authors identify the role of rational public consciousness control through temporal localization of social myths. Scientific originality of the study lies in the fact that the researchers reveal influence of mythological time on social structure and its changes dynamics. The research findings are as follows: the authors justify importance of temporal orderliness of a social myth in the process of group and intergenerational differentiation.

Key words and phrases: social myth; temporality; time; mythological story; group involvement; picture of reality.

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.25>

Дата поступления рукописи: 09.07.2020

Цель исследования состоит в изучении роли семейных ценностей и научно-интеллектуального потенциала династий в социокультурном развитии региона. В статье феномен научных династий рассматривается как один из примеров межпоколенного воспроизводства социально-культурной позиции, социализации и адаптации личности, обосновывается конструктивность династийного фактора в обеспечении преемственности и связи поколений в развитии науки. **Научная новизна** заключается в выявлении регионального аспекта функционирования династий в качестве ядра научных коллективов. **В результате** доказано, что научные династии служат необходимым человеческим ресурсом, позволяющим наращивать научный потенциал и обеспечивать устойчивость и стабильность регионального научного сообщества.

Ключевые слова и фразы: научные династии; социокультурный подход; социокультурное развитие; региональное научное сообщество; научный потенциал.

Сапрыкина Екатерина Владимировна, к. филос. н., доц.
Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь
evsaprykina79@gmail.com

Роль научных династий в социокультурном развитии региона

Актуальность заявленной темы исследования обусловлена тем, что перспективы социокультурного развития региона в современных условиях в значительной степени определяются его научно-интеллектуальным